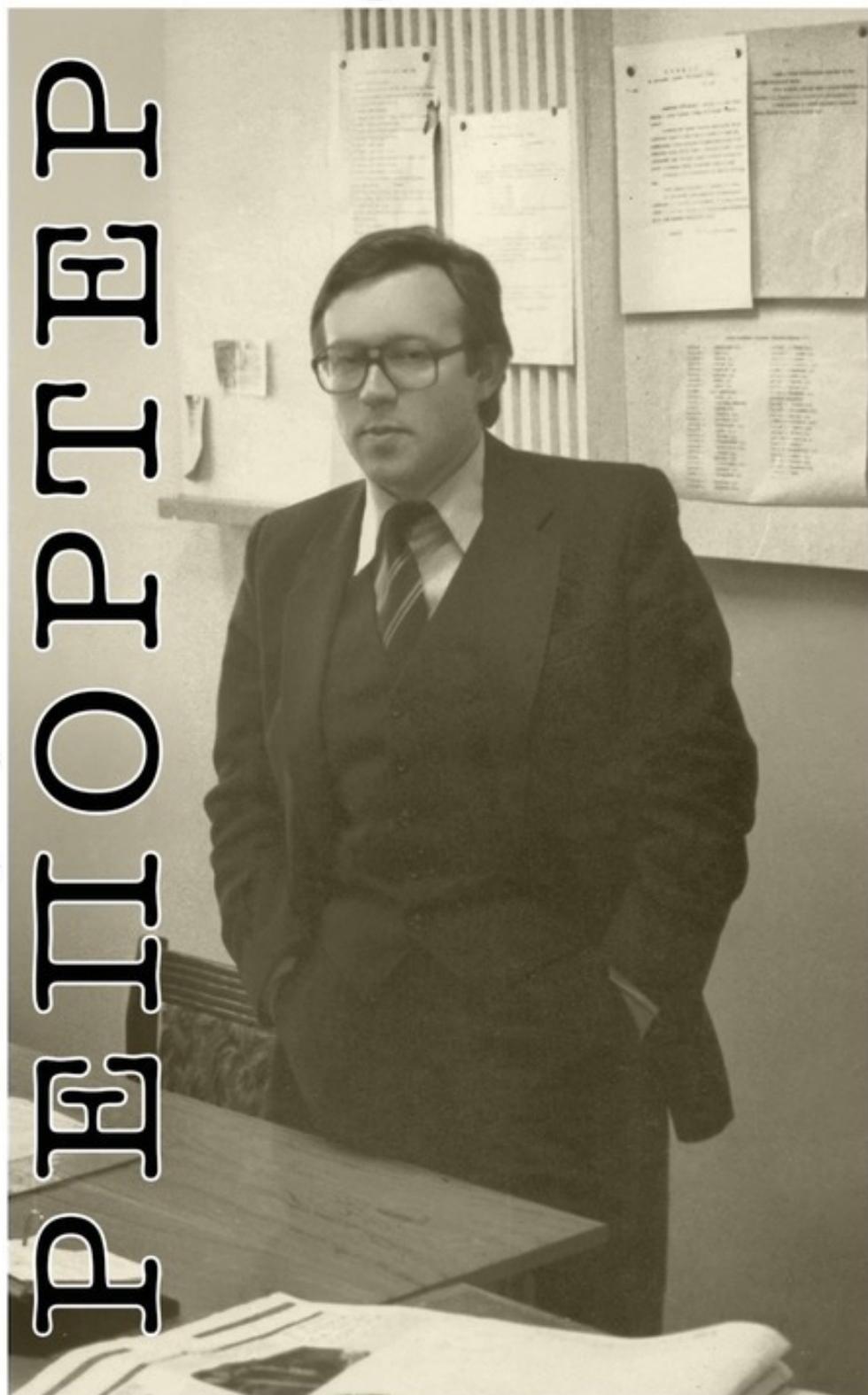


Виктор САВЕЛЬЕВ

Я СУДЬБНЫМ
РЯДЯМ



*судебные очерки
и журналистские расследования
разных лет*

Виктор Савельев

**Я судебный репортер. Судебные
очерки и журналистские
расследования разных лет**

«Издательские решения»

Савельев В.

Я судебный репортер. Судебные очерки и журналистские расследования разных лет / В. Савельев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-903788-6

«Судебный репортаж страшнее пистолета!» — предупреждает сборник «Я судебный репортер», где собраны журналистские расследования и судебные очерки автора за разные годы. Этот жанр, действительно, умеет кусаться: ведь некоторые явления и уголовные процессы требовали острого, как скальпель хирурга, слова... Когда-то газеты с этими очерками, статьями сметали из киосков... Но, как известно, газета живет один день. Книга «Я судебный репортер» вновь дарит читателю «документальные детективы» прошлых лет.

ISBN 978-5-44-903788-6

© Савельев В.
© Издательские решения

Содержание

Судебный репортаж страшнее пистолета	6
ПОТРОШИТЕЛИ В БЕЛЫХ ХАЛАТАХ	9
Загублена и «порезана на запчасти»	10
Охота за трупами?	11
«Я так радуюсь, когда убивают депутатов...»	13
«ГЕРОИЧЕСКАЯ» БИТВА ЗА ЖИЗНЬ	15
Обобранный старик	15
Мертвые молчат...	16
«Подвиг в пустыне»...	18
«ВОЛКОДАВЫ» БЫЛИ ВСЕГДА	21
«ХОТЯ ПРОЦЕСС И НЕ ОКОНЧЕН...»	24
1. Слухи	25
2. Кое-что о «кабинетном» рассмотрении дел	27
3. Больница №6	29
4. Заседание продолжается...	32
5. О чем говорилось шепотом...	33
6. Какие извлечем уроки?..	35
ХОТЯ ПРОЦЕСС И ОКОНЧЕН...	38
1. Опять затяжки, проволоочки...	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Я судебный репортер Судебные очерки и журналистские расследования разных лет

Виктор Савельев

© Виктор Савельев, 2018

ISBN 978-5-4490-3788-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Судебный репортаж страшнее пистолета

Введение в книгу

Читатель, ты держишь в руках редкого зверя: судебные очерки и собственные расследования журналиста Виктора Савельева, опубликованные ранее в газетах и собранные в книгу «Я судебный репортер». Сюжеты «газетных детективов» остры и порой ужасны, но в них нет ни грама вымысла: все лица, фамилии и факты реальны.

В 2016 году, к юбилею автора, газета, которой он когда-то руководил, написала: **«Ого, как быстро летит время!.. Вот казалось бы совсем недавно Виктор Алексеевич идет по восьмому этажу Дома печати, где по сей день находится редакция „Молодежной газеты“, с пистолетом на изготовку, а вот прошло уж почти 20 лет. Пистолет, конечно, был газовый, а отбивался главный редактор от бандитов. Да, по нынешним временам это трудно представить, но в конце 90-х в редакцию приходили реальные криминальные элементы и разговаривали с редактором с глазу на глаз. Но Савельева было так просто не напугать. Наоборот, это его еще больше раззадоривало. А вообще всем запомнилась его крылатая фраза: если на газету не подадут в суд хотя бы раз в месяц, значит, в издании что-то идет не так».**

Тут автор книги улыбается: приятно слыть в легендах ковбоем! Действительно, в «бандитские 90-е» одна из редакций выдала ему и всем корреспондентам газовые пистолеты для самообороны. Но главным оружием автора все же была авторучка. Она убийней пистолета, если «пулями» судебного репортера являются поиск истины и принцип «Не прогибаться!» ни под чьи влияния. Именно предельно объективное журналистское расследование в рамках судебного процесса и вне его отличает настоящий честный очерк на тему криминала от «слива компромата», выданного за «независимую журналистику», и заказных статей в СМИ...

Собранные в книгу «Я судебный репортер» газетные публикации – ныне своего рода «машина времени», ибо они охватывают почти 30-летний период. «Если хочешь узнать правду об эпохе Людовика XIV, полистай газеты тех времен!» – сказал кто-то проницательный. В собранных в книгу публикациях автора отразились – что уж греха таить! – и категоричность подходов жесткого советского времени, и безумство «лихих» 90-х годов, и бездушие нынешнего века. По нынешним меркам, что-то в старых газетах наивно и не толерантно... Но читателя, помимо острых сюжетов, ждут открытия и совсем уж неожиданные аналогии, ибо болезни сегодняшней Фемиды идут из тех далеких годов и никуда не исчезли.

И невольно задумается иной читатель, мчась в газетной «машине времени» по прежним десятилетиям, почему в «тоталитарном», казалось бы, СССР от судей требовали гласности и выездных заседаний народных судов в трудовых коллективах и клубах, а ныне Фемида не жалуется журналистов, как и люди с повадками рейдеров, делящие собственность в тиши судебных залов...

Конечно, репортер должен уважать суд, но не подобает ему писать, заглядывая судье в рот: у суда свой взгляд на преступления, а у журналиста – собственное исследование обстоятельств дела и атмосферы судебного зала. Для суда пустой звук 10 заповедей, «достоинство-правда-справедливость»: он следует «букве закона», на скрипке морали не играет. Была, к примеру, в УК РСФСР статья «за тунеядство» – по ней суд сажал уклонявшихся от труда граждан. Убрали статью из закона – и для суда прежний «злостный тунеядец» ныне чист, аки агнец. Никакой цели, кроме квалификации деяний по статьям кодексов, судебное следствие обычно не ставит.

У журналиста иная миссия: дать в заметках из суда такое «зеркало жизни», в котором отразится нечто морально важное и значимое для общества – при этом суд является лишь пово-

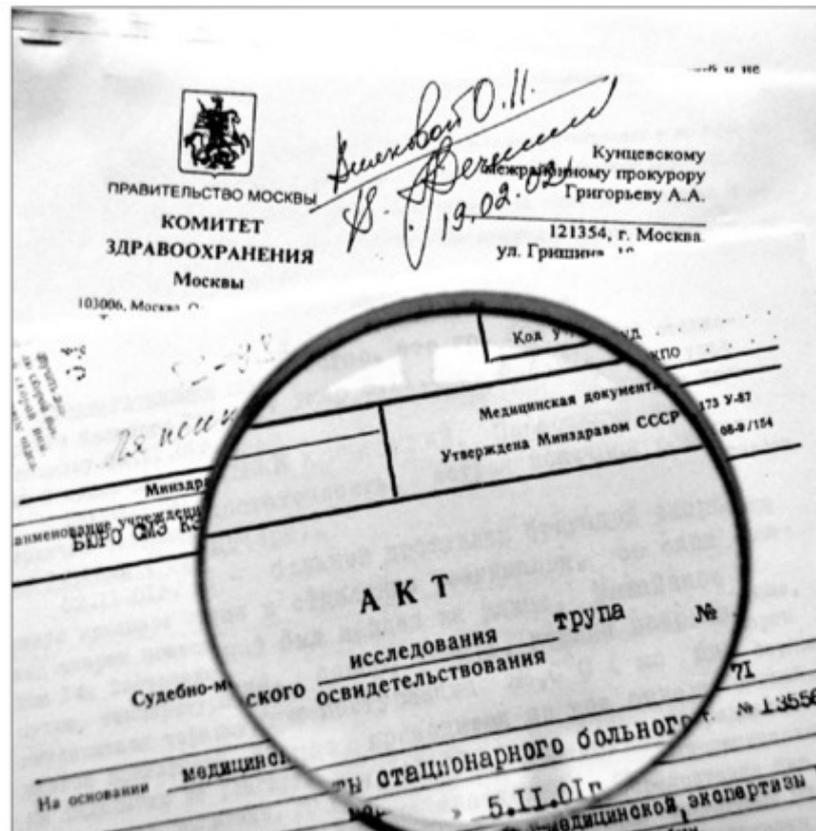
дом для исследования газетчиком общественных отношений и пружин преступлений. Зачастую анализ профессионального репортера бывает шире и глубже судебской узости.

Вот пример понимания автором «сверхзадачи» судебного очерка («сверхзадача» – термин К. С. Станиславского для обозначения главной цели, ради которой ставится пьеса). В 80-х годах в газетах был опубликован портрет хлебороба-хозяина полей. Передовой председатель колхоза стоял среди пшеничного поля, разминая в ладонях налитые зерном крупные колосья. Фотокорреспондент удачно передал в кадре рачительность трудового человека, передовика-современника, его любовь к земле, доброму урожаю... В 90-х этот знатный хлебороб из газетной передовицы в сговоре с такими же руководителями-хозяйственниками убил с помощью киллера и гранаты «Ф-1», более известной как «лимонка», нового главу района, вмешавшегося в местный дележ агрокомплекса.

Вышедший в газете снимок и сейчас лежит в архиве автора книги, хотя именно на этот судебный процесс ему не довелось попасть. Но что случилось с обществом, если любящий землю знатный хлебороб, герой передовиц, переродился в убийцу? И что случилось со всеми нами, если в зеркале суда стали отражаться безумные явления?

Вот на такие вопросы должен пытаться ответить судебный репортер в заметках из судов. Потому что больше на них отвечать некому...

ЖУРНАЛИСТСКИЕ РАССЛЕДОВАНИЯ



ПОТРОШИТЕЛИ В БЕЛЫХ ХАЛАТАХ

**ОНИ МОГУТ ИЗЪЯТЬ ЗДОРОВЫЕ ОРГАНЫ
ЧЕЛОВЕКА БЕЗ РАЗРЕШЕНИЯ РОДНЫХ**

Загублена и «порезана на запчасти»

В ту ночь, 3 сентября, Ларисе Ивановне снился сон, будто в их квартире учинили перепланировку. Во сне квартира Наседкиных была вверх дном, а на месте кухни зияла черная яма...

– Это к несчастью, – сказала она утром мужу. В ту тревожную ночь дочь Инна не ночевала дома, даже не позвонив, чего прежде не было. В восемь утра затрещал телефон. У Ларисы Ивановны затряслись руки: сообщили, что дочь без сознания после аварии увезена в Московскую городскую клиническую больницу №1...

Авария была странной. Инна получила черепно-мозговую травму, переломы 5 ребер, костей таза и черепа, а сидевший за рулем машины бывший работник правоохранительных органов даже «скорую помощь» не вызвал...

Однако речь мы поведем не только о нелепой смерти 22-летней девушки. Нехорошими были обстоятельства, сопровождавшие эту смерть в стенах Первой клинической больницы. Единственный койко-день, прожитый здесь Инной в состоянии комы, Лариса Ивановна носила лекарства в реанимационное отделение, пробивалась к врачам. К вечеру ее отправили домой, велев о состоянии дочери справиться утром...

В тот же вечер к ней домой позвонил зам. директора фирмы, где подрабатывала Инна:
– Я узнал, что по поводу Инны в отделении намечается консилиум врачей...

Знать бы ей, какой консилиум был уготован... На следующее утро, когда Лариса Ивановна примчалась в отделение, ей объявили, что ночью ее Инна умерла... Потом долго ввали, что труп отправлен в морг. Но она почуяла, что это не так, по репликам и взглядам медсестер и умолила показать ей девочку. Инна лежала на каталке. Дежурный врач, откинувший покрывало с лица покойной, не убирал руку, чтобы простыня случайно не обнажила тело и грудь... Откуда было знать Ларисе Ивановне, что ее дочь лежит выпотрошенная, как рыба, – у нее были изъяты внутренние органы...

Охота за трупами?

Страшную правду Наседкины узнали случайно. Через пару месяцев после похорон Лариса Ивановна поехала к очередному следователю, к которому переключалось вялотекущее дело по ДТП.

– А вы знаете, Лариса Ивановна, – в конце беседы спросил следователь, – что у вашей дочери были изъяты почки?

– Я что-то не понимаю... – только и смогла выдохнуть она. – Вы хотите сказать, что врачи использовали мою девочку как донора?..

Акт об «изъятии», показанный ей, поплыл перед глазами.

– Скажите спасибо, что он случайно ко мне попал из архива, – говорил следователь, делая ксерокс. – Обычно такие бумаги даже не показывают...

Так по недосмотру архивщиков Л. И. Наседкина стала одной из немногих матерей, до которых дошла информация о практике негласного изъятия органов в наших больницах.



Журналистское расследование в газете «Мир новостей» было подкреплено снимками документов.

Обычно негатив вокруг трансплантации списывают на выдумки журналистов. Недавно бой «мифу о торговле почками» дал профессор Андрей Акопян, директор Центра репродукции человека:

– Ни в годы советской власти, ни после нее в нашей стране ни одного суда на этой почве не было. Нет ни одного дела, не задержано ни одного незаконно изъятого органа...

Изъятие у молодой студентки Инны Наседкиной ее двух почек с надпочечниками, 1/2 части селезенки и 1/10 печени по «Акту об изъятии органов у донора-трупа для трансплантации» Московского координационного центра органного донорства от 5 сентября 2001 года тоже вроде бы оформлено с соблюдением внешней законности. Однако совершенно незаконно изъятым органом являются понадобившиеся кому-то мочеточники. Ибо ни в «Перечне органов человека – объектов трансплантации» Минздрава РФ (приложение №1 к приказу №448/106), ни в более ранних подзаконных актах мочеточников уж точно нет. Будут ли когда-нибудь искать реципиента, которого «выручила» девочка?

Профессор Акопян прав: «Втихаря под мышкой что-то принести, на квартире дяди Вани кому-то пересадить и взять деньги – это абсолютно невозможно». Да и к чему – разве нет отработанного Минздравом тихого конвейера в официально утвержденных клиниках, который на благородную ниву излечения пациентов бросает сотни порезанных трупов? 90% из них – это как раз жертвы автокатастроф молодого возраста вроде Инны.

Вот один фонд в Интернете обращается к толстосумам за рубежом: «Люди, нуждающиеся в пересадке органов и не имеющие возможности получить их в своей стране, могут сделать операцию в России... Стоимость операции от 30 тысяч долларов и выше... Срок поиска органов от одного до шести месяцев». Цели фонда, разумеется, благородны: спасти богатых и больных. А на оборотной стороне медали – сплошные хлопоты с донорами... Про которых другой центр, пересаживающий почки, откровенничает: «Человек должен быть достаточно здоровый и молодой, с хорошей функцией почек. Умереть он должен в узком кругу больниц Москвы и Московской области, которые имеют разрешение на диагностику смерти мозга и изъятие донорских органов...» Специалисты центра сокрушаются, что, мол, очередь желающих получить донорские почки год от года растет, а количество доноров – вот досада! – остается прежним...

В этих условиях в «узкий круг больниц Москвы и Московской области» попадать становится неприятно. В 90-е годы, когда система пополнения банка органов за счет жертв автокатастроф только складывалась, в печать просочилась информация о надбавках к окладам работников реанимационных отделений за помощь Московскому координационному центру органного донорства в поисках погибших «доноров». Один из врачей – А. Мироненко, высказался: «Дилемма встает перед медиками: выводить за свою скромную зарплату пострадавших в авариях из терминального состояния или за весьма существенную надбавку содействовать изъятию органов?!». В группе риска, как всегда, незащищенный пациент вроде Инны, у которой мама – простой рабочий на стройке. Таких не будут спасать годами за счет «систем жизнеобеспечения», как генерала Романова в коме...

Немудрено, что мать погибшей девушки Л. И. Наседкина не верит реаниматорам:

– На Инну в больнице сразу смотрели как на готового донора: почки – молодые, сама при смерти...

...Поражает слаженность закрученной в ночь с 4 на 5 сентября 2001 года операции по забору органов Инны. В 6.40 утра она умерла (по акту комиссии ГКБ №1 и «смежников») – в удобное время, когда родственников нет в больнице. Уже через 20 минут (!), то есть в 7.00 по акту, вызванные хирурги бригады Московского координационного центра органного донорства Смирнов Л. Я. и Милосердов И. А. приступили к изъятию органов, чтобы увезти их «теплыми». Возникает вопрос: когда же они прибыли в больницу, когда руки в перчатках успели приготовить, инструмент?

Удивительно, что в 6.40 утра на месте оказались и судмедэксперт, и заместитель главного врача ГКБ №1 – словом, все необходимые для подписания нужных бумаг должностные лица. Если же это не так и хирурги под утро кромсали внутренности Инны без их ответственных подписей, а подписи делались задним числом, всю команду впору объявить преступниками. Остается только предполагать, что подписавшая акт комиссия должностных лиц всю ночь не уходила домой, терпеливо дожидаясь констатации смерти мозга донора. Вот уж воистину как в песне: «Служба – дни и ночи...»

«Я так радуюсь, когда убивают депутатов...»

Как человек верующий и оскорбленный надругательством над дочерью, Л. И. Наседкина, разумеется, пошла в прокуратуру: «Врачи скрыли изъятие почек... Действия провели без согласия родителей на трансплантацию...»

– Да нет, внутренние органы изъяли по закону, – сказали ей там две дамы, полистав кодексы. – Вот если ваша дочь была бы несовершеннолетней... А в 22 года она сама за себя отвечала...

– Как же она отвечать могла, если так и не пришла в сознание! – утерла слезы Наседкина.

С тех пор у нее накопилась стопка ответов, объясняющих, что такое «презумпция согласия на изъятие органов» по статье 8 Закона «О трансплантации органов и (или) тканей человека» от 22.12.1992 года. Статья эта развязала руки «охоте за трупами», потому что больницы стали «по умолчанию» вырезать органы после смерти у пациентов, если сами больные при жизни или их родственники не уведомляли врачей о своем несогласии с изъятием.

На что уж бесчеловечно обманули Ларису Ивановну в больнице! Отправили домой, предвидя вызов трупных хирургов-«изыmateлей» (с 18.50 признаки смерти мозга Инны искал тот самый «консилиум» нейрофизиологов). От матери забор органов утаили. Не звонили по названному им домашнему телефону. Боялись показать искромсанный труп... А с точки зрения антигуманного закона это бесстыдство не противоречит «презумпции согласия»! Заместитель Замоскворецкого межрайонного прокурора Москвы, советник юстиции А. Ю. Почтарев так и пишет Ларисе Ивановне в вынесенном им постановлении об отказе в возбуждении уголовного дела: **«На медицинский персонал больницы не возложена обязанность сообщать родственникам пациентов о возможном изъятии органов трупа для последующей трансплантации. Родственники Наседкиной И. Н. медицинский персонал больницы о своем несогласии на изъятие органов не уведомляли...»** Это и есть законная депутатами в интересах медицинского лобби «неиспрошенность согласия».

– Выходит, нужно расписку в кармане носить, что ты возражаешь против изъятия твоих почек! – говорит один из правозащитников, мечтающих отменить упомянутую статью 8 через Конституционный суд РФ. – Только где гарантия, что при бессознательном состоянии твою расписку не вынут из кармана и не порвут? А кто из родственников при свалившейся беде помнит о «презумпции согласия»?.. Назовите хоть одного пациента, который вообще об этом законе знает...

Не беремся произносить фамилию этого «донкихота» – ведь, добиваясь отмены неконституционной нормы, он намерен «подрубить» статью, на которой держатся «заготовки органов» для операций на миллионы долларов... А в России и за меньшее башку снесут. Утешает лишь то, что законы – как дышло. Есть еще и Федеральный Закон «О погребении и похоронном деле» 1998 года, где статья 5 «Волеизъявление лица о достойном отношении к его телу после смерти» прямо указывает на обязательность нашего **согласия или несогласия** на изъятие органов и вообще на любое патологоанатомическое вскрытие. Причем в таком случае, как с Инной, право на разрешение этих действий за беспамятного пациента имеют его родственники.

Об этом, однако, советник юстиции А. Ю. Почтарев не сообщил Ларисе Ивановне ни слова. Характерно, что ни один прокурор не пригласил на беседу мать, писавшую им об ущем-

лении прав. Не удивляет после этого отсутствие юридических дел вокруг сомнительных манипуляций с «донорами»: потерпевших не защищает никто.

Даже единственный закон, отстаивающий права человека на достойное отношение к нему после окончания жизненного пути, подвергается атаке известных сил. В 2002 году сайт «**apn.ru**» сообщил об инициативе депутата Госдумы Т. Астраханкиной по устранению противоречий между законами «О трансплантации органов и (или) тканей человека» и «О погребении и похоронном деле». Последний – как кость в горле у трансплантологов. Вот почему Астраханкина предлагает дополнить в нем мешающую статью 5 «О волеизъявлении лиц...» поправкой, позволяющей изымать органы из тел умерших граждан с разрешения главных врачей медучреждений – без всяких там сантиментов. Если подобные поправки пройдут с депутатской помощью, наши тела будут полностью отданы Минздраву, но уже на стопроцентно законных основаниях, без нестыковки юридических норм. И вопрос о каких-то правах лиц и уголовных делах по трансплантации отпадет сам собой.

...А Лариса Ивановна все не может успокоить нервы.

– Знаете, – говорит она, пряча в альбом последнюю фотографию Инны, – я так радуюсь, когда убивают депутатов! Пусть и они заплатят за то, что такие законы приняли. Когда я читаю в газетах, что в кого-то из них стреляли, мне хоть на миг становится легче на душе...

...Страшно, когда людей доводят до такой ненависти.

Виктор Савельев.

Источник: газета «Мир новостей», 28 января 2003 г., №5 (475)

«ГЕРОИЧЕСКАЯ» БИТВА ЗА ЖИЗНЬ

Обобранный старик

Вот такая история. У московского доктора медицинских наук Кречиной пропал отец Константин Михайлович, 75 лет, приехавший с Украины подлечиться. Вы ведь знаете стариков? Выйдут на улицу – и заблудятся. А Константин Михайлович в Москве не был 10 лет... Ушел он 25 октября (речь идет о 2001-м году) со 100 рублями в кармане и орденом да медалью «За отвагу», которые никогда не снимал. И даже тех наград на память не осталось...

В панике Елена Константиновна подала в розыск, звонила в больницы и объявление дала в «Московский комсомолец». Вся надежда была у нее на родную медицину. Дескать, упадет где-нибудь старик – а уж медики-то точно мимо не пройдут. На прохожих надежды не было. Константин Михайлович из-за болезни горла сипел, как бомж. А кто ж его такого слушать-то будет?

И надо же такому случиться: через 7 дней Константина Михайловича нашли! На Фрунзенской набережной охранники ресторана позвонили в «скорую»: мол, поблизости три часа лежит человек. На «скорой» пожилого пациента доставили в городскую клиническую больницу №71. Ему бы теплое белье, горячего чаю или бульона да капельницу на ночь – глядишь, и ожил бы человек... Но Константина Михайловича, мокрого и грязного, наутро опять подбирают на улице – уже без медали и ордена Великой Отечественной войны II степени, с которым 1 ноября его привозила фельдшер «скорой» Клыккова. И подобрали обобранныго старика – где бы вы думали? В 15 метрах от ворот той больницы, куда доставляли его накануне. Лежал Константин Михайлович, ветеран Победы и инвалид, неподалеку от больничной проходной, где дежурят круглую ночь. «Почему его не заметили? – с досадой говорит юрист общественной Лиги защитников пациентов, разбиравший дело. – Впечатление такое, что не мог он здесь пролежать незамеченным до утра, а его просто вынесли за ворота...»

Умер ветеран позднее, не придя в сознание: добила его ночь в 15 метрах от больницы. Так что рассказ наш о медицине и о том, какие здесь порядки...



Так выглядит публикация в газете «Мир новостей».

Мертвые молчат...

Официальная версия такова. Инвалид 2-й группы Кречин Константин Михайлович, 1926 года рождения, днем 1 ноября 2001 года был доставлен в ГКБ №71. «В экстренной госпитализации не нуждался», находился с диагнозом «алкогольное опьянение» в приемном отделении 11 часов (!), после чего травматолог Цепков в истории болезни №3695 от 01.11.2001 г. сделал запись: **«22.50. Больной в сознании, контактен, адекватен, ориентирован... Больной протрезвел...»** Через пять минут после выводов Цепкова пациент якобы исчез. **«В соответствии с записью в истории болезни больной самостоятельно покинул отделение в 23.00 01.11.2001 г.»**, – пишет в объяснении прокурору первый зам. председателя Комитета здравоохранения Москвы С. В. Поляков.

Наутро в 200 метрах от отделения, но юридически за пределами больничного городка ветерана Кречина находит без сознания анонимная женщина с собакой. Снова вызывается «скорая», больного снова привозят в больницу через те самые ворота, где он и умирает в реанимации 5.11.2001 г.

Заметим, что факт первой доставки старика в ГКБ №71 так бы и не всплыл, прикрытый вторым вызовом «скорой помощи» 2.11.2001 г. Но как на грех сработало газетное объявление о розыске в «Московском комсомольце».

– По объявлению мне позвонила фельдшер «скорой помощи» Мария Михайловна Клыкова. Это она 1 ноября в первый раз увозила отца с Фрунзенской набережной, – рассказала дочь. – Отец был найден в промокшей одежде, не мог двигаться самостоятельно. Он, видно, давно не ел, что повлекло мозговые нарушения – не смог назвать адрес, сказал лишь фамилию. Кстати, именно Клыкова сделала запись «запах алкоголя», за которую потом рьяно ухватились в больнице, превратив ее в «алкогольное опьянение». На самом деле у отца из-за ракового заболевания горла шел изо рта специфичный ацетоновый запах, а к спиртному он не притрагивался 20 лет...

Объявившаяся по газетной заметке фельдшер Клыкова, похоже, единственная, кто оказал помощь инвалиду: ввела поддерживающий препарат, отвезла в больницу №71 для госпитализации с диагнозом «переохлаждение». Там у нее и произошел конфликт. Зав. реанимационным отделением, слегка пощупав старика: «Да он же теплый!» – принять его отказался. Из приемного отделения, куда Клыкову отправили с пациентом, она не уезжала в течение трех часов. Звонила вплоть до старшего врача «скорой» в Склифосовском, доказывая тяжелое состояние старика. В конце концов ветерана согласились оставить в приемном отделении для дальнейшей госпитализации при условии, что диагноз «переохлаждение» вредный фельдшер снимет. По словам Клыковой, она оставила Кречина на носилках в коридоре, поскольку тот не мог встать. Как мы знаем, после отъезда фельдшера «спорного» старика в палату не положили. На вопрос, по какой причине, заведующий приемным отделением Веселов ответил Елене Константиновне:

– Вы понимаете, у нас тут по 50 бомжей в день привозят. Они у нас спят, отсыпаются и утром уходят...

Из всего этого вытекает, что целых 11 часов беспомощный старик лежал в мокрой одежде в приемном отделении, где его не кормили и, как установило предварительное исследование

по запросу прокуратуры, не оказали медицинской помощи. Как он, не евший несколько суток, в 11 часов ночи оказался за дверью отделения? Сам ли ушел после «взбодрившего» укола «на дорогу» или кто-то, польстившись на орден и медаль, снял их и вытолкнул «адекватного и ориентированного» старика за дверь? Мы не узнаем этого: мертвые молчат.

Не дали узнать ничего и Елене Константиновне, примчавшейся в реанимацию после звонка из милиции. Поразительней всего, что после повторной доставки отца в ГКБ №71 в бессознательном состоянии, ей – не последнему в медицинских кругах человеку и ученому секретарю ЦНИИ стоматологии – даже не дали пяти минут посидеть у постели умирающего отца. Может, боялись, что очнется и все расскажет? Елена Константиновна считает, что причина могла быть иной:

– Я умоляла дать побыть в последнюю ночь с отцом, узнав, что до утра он не доживет... Мне отказали в резкой форме – выгнали за дверь! Вероятно, напугались, что у «бомжа» объявилась дочь – доктор медицинских наук. Подозреваю, что всю «историю болезни» переписали и подтасовали ночью после моего ухода. Отсюда записи про якобы сделанные осмотры, о том, что отец «протрезвел», «контактен», «сам ушел», ведь если бы он действительно был в контакте, то назвал бы им мои телефоны, адрес, который так и не проставлен в медкарте... Поначалу я не знала: почему мне не хотят показать тело умершего отца? После догадалась – боялись, что я на вены посмотрю: а были ли там капельницы? А мне не до вен было, такое горе...

«Подвиг в пустыне»...

Надо сказать, что в силу знакомств до ЧП доктор медицинских наук Кречина с нашим городским здравоохранением не сталкивалась. А потому не встречалась, как мы, с хамством и яростью, с которой ощетиливается система, когда ей наступают на мозоль. А тут ей дали по полной программе, сотворив диагноз «пьяного пациента» ввиду «запаха изо рта, заторможенности и неадекватности поведения».

– Мне с самого начала сказали: «Куда ты лезешь, отступись! До 71-й больницы ее главврач Хрупалов в городском комитете работал и представлял его сторону во всех судебных тяжбах с больными... Эту стену не пробьешь...» – рассказала дочь.

Как водится, скептики были правы. Кунцевская прокуратура Москвы отправила жалобу в Комитет здравоохранения Москвы, тот рапортовал, что **«главврачу Хрупалову поручено принять меры»**, а про отца Кречиной указали, что **«при анализе медицинской документации не обнаружено данных о невозможности больного самостоятельно передвигаться»**

«Вместе с тем, – рапортует прокурору первый зам. председателя комитета С. В. Поляков, – медицинский персонал приемного отделения в течение 11 часов принимал все необходимые меры для установления точного диагноза».

От этого ответа остается впечатление большой и кропотливой работы, которую проделало ведомство, чтобы не допустить возбуждения уголовного дела. Чтение «мер» поражает озарениями умов. И рентгены-то с ЭКГ в приемном отделении делали, и осмотры вели – вот только с пациента мокрую одежду почему-то не сняли и не умыли его. В акте судебно-медицинского освидетельствования умершего Кречина К. М. так и сказано: «Тело грязное, неухоженное...»

А вот объяснения выездной бригады, подобравшей ветерана, по их свидетельству, якобы «в 15 метрах от ворот проходной на территорию ГKB №71»:

«С самого начала у меня сложилось впечатление, что этот вызов будет скандальным», – с гениальным провидением пишет в объяснении врач неотложки Н. Сафина. Ее напарница – фельдшер Н. Буденкова – рисует «героическую» сцену битвы за жизнь пациента. Вот ветерана осмотрели, послушали сердце и решили тут же в машине поставить капельницу (хотя больница, заметьте, через 15 метров за воротами!). Раствор реополиглюкина в машине (ноябрь все же!) оказался холодным. «Пока Сафина осматривала Кречина, я подогрела раствор около печки», – докладывает о преодолении трудностей – в двух шагах от стационара – старательный медик. Прямо не выезд, а подвиг в пустыне или тайге, где один врач сделал операцию при свете лучины осколком стекла от разбитых часов! А между тем, подобрав Кречина, «скорая помощь» оставалась на выезде в больнице еще час. Что задержало ее, когда до дверей реанимации минута езды? Не знали, что «нарисовать» про «скандальное» обнаружение пациента в зоне ГKB, держали «совет в Филях»?

Мы с фотографом, кстати, осмотрели место близ проходной, где, по официальной версии, лежал Кречин. Мимо этого пятачка при повороте с Можайского шоссе то и дело снуют машины «скорой», выхватывая газон фарами – старика, скорей всего, увидели бы водители или охрана. «Когда отец умер, зав. приемным отделением проговорился, что отца подобрали

возле соседнего корпуса, – утверждает Елена Константиновна. – Хотя я в шоке была, но память у меня, слава Богу, отменная...»

Кстати, об охранниках у двери приемного отделения, которая должна запирается на ночь. Ни один из них по делу Кречина К.М не был опрошен Кунцевской прокуратурой. По странному стечению обстоятельств один из стражей, дежуривший в ту ночь, уволился сразу после ЧП. Другой – с паузой в месяц или два. Какой-то мор напал в больнице на тех, кто «ни в чем не виноват» и делал «все возможное». Тихо ушел из больницы травматолог Цепков, сделавший в 22.50 запись, что больной «контактен, адекватен и ориентирован», но не сумевший объяснить, почему не заполнил с его слов медкарту. На суде по гражданскому иску Елены Константиновны к больнице этот «специалист» не мог ответить на элементарные вопросы о роковом дежурстве и своей роли, лишь мычал. «Вы можете не свидетельствовать против себя!» – милостиво пришла на помощь судья Павлова.

Меж тем не подведомственный Минздраву 111-й центр судебно-медицинских и криминалистических экспертиз Министерства обороны РФ сделал вывод, что диагноз «алкогольное опьянение», установленный Кречину К. М. в приемном отделении, «не подтвержден клиническими данными и не обоснован», а больной уже при первом поступлении в больницу «нуждался в госпитализации и последующем специализированном лечении». Если это подтвердит в дальнейшем экспертиза, за которую сейчас дочь ведет борьбу с ведомством через суд, то выйдет, что старого фронтовика просто убили бездушным отношением и неоказанием помощи.

Однако ведомство все же нашло виновного за ЧП в больнице! Кого же, вы думаете, обвинили в «ненадлежащем оказании медицинской помощи Кречину К. М.» на заседании клинко-экспертной комиссии Комитета здравоохранения Москвы? Не угадаете... Строгий выговор дали фельдшеру Марии Михайловне Клыковой, которая, как помните, к неудовольствию врачей 1 ноября привезла больного с Фрунзенской набережной прямо в реанимацию, а не в приемное отделение – и билась за его жизнь три часа, доказывая диагноз «переохлаждение». К повторной госпитализации на следующее утро 2.11.2001 г., как вы понимаете, она отношения не имела. Тем не менее Комитет здравоохранения Москвы докладывает прокурору: «При повторной госпитализации фельдшер ССиНМП Клыкова М. М. доставила больного с переохлаждением в общее приемное отделение, что задержало осмотр реаниматолога...»

Вот тут уж, господа, не знаешь – плакать или смеяться.

Виктор САВЕЛЬЕВ.

Источник: Федеральный выпуск газеты «Мир Новостей» за 24 февраля 2003 г., №9 (479).

**Целый год репортер отслеживал
громкое уголовное дело
ЦИКЛ ПУБЛИКАЦИЙ:
- «ХОТЯ ПРОЦЕСС
И НЕ ОКОНЧЕН...»**



**- «ХОТЯ ПРОЦЕСС
И ОКОНЧЕН...»**

«ВОЛКОДАВЫ» БЫЛИ ВСЕГДА

Предисловие автора к циклу «Хотя процесс и не окончен» – или Как я писал судебные очерки

Не так давно, в 2013 году, поспорил кратко с известным тележурналистом Леонидом Парфеновым. Господин Парфенов презентовал в московском книжном магазине альбом «Намедни» и в спиче перед собравшимися заявил, что до прихода его поколения на ТВ и в газеты типа «Коммерсантъ» настоящей журналистики в России не существовало.

О, эти речи о том, что история наша исчисляется последними 25-ю годами! А «в СССР и секса не было», и журналисты были серыми мышами, и даже бойцовских «волкодавов» нам завезли с Запада вместе с колой и бургерами, а до этого по Руси бегали одни Жучки да Шарики, поджимавшие хвост от волчьего воя!..

Меж тем, замечу, что хороших «волкодавов» в газетах советской поры было немало, хотя за любую неточность в критических материалах той поры – в отличие от нынешних безответственных на слова времен – журналиста могли обвинить в «очернительстве» и «злопыхательстве». А уж за огульные обвинения, столь частые сейчас в интернете, из прессы выгоняли без разговора!

А в драки мы все же лезли...

К примеру, первый же судебный материал «Хотя процесс и не окончен...», открывающий серию из трех помещенных далее текстов, уложил в больницу редактора газеты. Как на змею или гранату с выдернутой чекой смотрел он на принесенные мной к вечеру листы, на которых я задевал клан достаточно могучих тогда людей и племянника министра. Потом вскочил из-за стола, сунул мне назад мою рукопись: «Зайди с этим завтра! Мне надо... срочно уехать!».

Наутро его заместитель на редакционной планерке объявил, что шеф на месяц лег в больницу. Разрешать к публикации в газете не безопасное по тем временам критическое выступление «Хотя процесс и не окончен...» пришлось именно ему, заместителю редактора. Оставалась еще цензура... Сейчас публика уверена: все цензоры были душителями критики. Но начальник местного Главлита (управления цензуры) Валитов Октябрь Калиевич, которому я напрямую отнес текст, завизировал его в печать, наплевав на то, что по неоконченным судам публикации не допускались...

...После первой газетной публикации «Хотя процесс и не окончен...» последовало продолжение судебных записок с названием «Хотя процесс и окончен...», затем был опубликован завершающий обзор «Чтобы не завелась плесень...» (все три публикации читайте далее в этой последовательности).

Почти год, вцепившись, как бульдог, в странно споткнувшееся и попятившееся «дело медиков», я портил кровь большим дядям, суду, прокуратуре, следственным органам, медицинской мафии, расхищавшей препараты... В конце концов статьями про ошибки в уголовном процессе добился того, что Верховный суд Башкирской АССР поправил местный суд, который вел нечистую игру, вынес частные определения в адрес прокуратуры и следственных органов, Минздрава, больницы...

Помнится, отсидев в местах заключения, герой моих публикаций объявился в городе и позвонил мне по телефону.

- Сколько отсидели? – поинтересовался я.
- Два года.
- Что так мало?

– А мне и двух лет выше головы хватило, – хмуро ответил он и добавил: – Если бы не ты, я бы вообще туда не попал!

...Это было правдой: «отмазать» мальчика помешал резонанс от моих статей. Но мне не жалко было отпрыска. Жалко было больных и умиравших в муках людей, у которых для этого наркомана люди в белых халатах крали обезболивающие уколы наркотика. Когда в зал суда конвой приводил молодую медсестру, которая из-за любви к сынку профессора пошла на хищения ампул, даже у черствых старых адвокатов смягчались лица: все понимали ее трагедию и кто ее совратил. И только ее бывлой ухажер, молодой врач, топил полюбившую женщину изо всех сил, сваливая свою вину на нее, – впрочем, как и на всех остальных, посаженных на скамью подсудимых из-за него... Я далек от мысли, что журналист-расследователь – это Копье Господне. Но если у судьи в уголовном процессе притуплен карающий меч закона и справедливости, то у журналиста в статье есть возможность расставить точки над «i» и вынести свой вердикт, руководствуясь понятиями добра и зла и своими принципами.

В таком расследовании ты и комиссар Каттани – борец со «спрутом», и Шерлок Холмс, и прокурор, и судья с адвокатом в одном лице. Сейчас не все понимают, что по сути нищий беспартийный журналист (в КПСС автор не был, карьеры не делал), живущий с семьей в бедняцкой квартире и ездящий на работу в трамвае, становится ферзем на шахматной доске, если отстаивает общественные принципы.

Кстати, вопреки крикам, что-де зря прессу к судебному процессу подключили, никто меня не подключал и не давал заданий – просто где-то за чаем я случайно услышал про суд, на который медикам из больницы №6 запретили ходить. Но с момента, когда я отложил чашку чая и набрал телефон канцелярии суда, у мафии начались проблемы. Потому что взявшая под общественный контроль судебное дело газета со 100-тысячным тиражом, которую читал весь город, оказалась для всех существенным фактором, хотя г-н Парфенов отрицает журналистику в те годы, полагая, видимо, что газеты лишь партийные отчеты писали и славили руководство.

Путь расследования тернист: не сразу разберешься, что суды ведут нечистую игру, дело разваливают, общественность дезинформируют... Сейчас читающий статьи тех лет человек может удивляться цитатам вождей, ссылкам на пленумы Верховного суда и партийные съезды, рассуждениям, что газета действует в интересах общества... Но в те годы ими, как щитом, газетчику приходилось закрываться от обвинений в намерении «уронить авторитет суда» или «бросить тень» на общественный строй. Другой защитной «броней» были письма людей в поддержку выступлений газеты (тогда с этим считались!). Потому что журналисту-расследователю оказывали яростное сопротивление отнюдь не хилые силы.

Помню обструкцию, которую мне и заместителю редактора устроили в критикуемой больнице (по ней см. заключительный материал этой эпопеи: «Чтобы не завелась плесень...»), пригласив на собрание по обсуждению статьи «Хотя процесс и окончен...». Добрые люди предупредили нас о готовящемся наезде за поднятую тему воровства лекарств в больнице, но жесткость прессинга – почти избиения! – ошеломила. Собранные в конференц-зале более ста человек обрушились с обвинениями на газету – ни голоса в поддержку... По науке такую массированную атаку называют: «террор среды».

После десятого или двадцатого распаленного оратора, сыпавшего проклятья на мою голову, я почувствовал, как у меня начала прыгать рука с авторучкой и стала колотить внутренняя дрожь... Полагаю, что господин Леонид Парфенов – заявивший, что до него журналистики не было, – сбежал бы из того зала в первые же минуты головомойки. Но мы с заместителем редактора не ушли из кипящей аудитории и выдержали натиск обиженных «белых халатов» – умеи держать удар, коли сам бьешь оппонентов критическими статьями... И в этом стрессовом состоянии надо было не просто стерпеть срежиссированный гнев, но и зафиксировать всех выступавших, их «проколы», неувязки для следующей разгромной статьи – рука у меня, слава Богу, тяжелая...

Сейчас можно задать вопрос: а для чего кому-то снова читать публикации 1987 года?.. Ведь нет уже и тех людей, и тех описываемых обстоятельств?.. В ответ можно сказать: иных уж нет, но методы развала уголовных дел, сведения их «на мягкую посадку», увода от ответственности определенных фигур – нынче те же самые... Как и методы противодействия этому гласностью в СМИ. Только давно не вижу, чтобы какая-то смелая газета по-бульдожьки вцепилась в мафию и грызла ее, – так, читаешь какие-то разовые наскоки, без анализа, четкого отслеживания каждого телодвижения оппонента... В этом смысле я бы посчитал те старые публикации 1987—1988 годов методичкой для студентов-юристов или для журналистов – исследователей по призванию (на Западе таких зовут «разгребателями грязи»). Последним надо учиться: отстаиванию позиций, анализу скрытых пружин, если хотите – то и мастерству личного сыска.

И последнее: не за деньги и не для карьеры писали мы в те годы статьи. «Ради справедливости и только», как пел Высоцкий! Не знаю, что там будет на Страшном Суде в небесах, но, может быть, мне что-то зачтется за веру в справедливость в тех судебных заметках, которые я предлагаю вашему вниманию.

Автор судебного цикла.

«ХОТЯ ПРОЦЕСС И НЕ ОКОНЧЕН...»

Записки из зала суда

ДЕЛО БЫЛО НЕОБЫЧНЫМ – НА СКАМЬЕ ПОДСУДИМЫХ СИДЕЛИ ЛЮДИ САМОЙ ГУМАННОЙ ПРОФЕССИИ – МЕДИКИ. КТО-ТО САМ БЫЛ НАРКОМАНОМ, КТО-ТО ПОХИЩАЛ НАРКОТИКИ, ПРОПИСАННЫЕ БОЛЬНЫМ. СУДУ ПРЕДСТОЯЛО ВЫЯСНИТЬ ИСТИНУ...

1. Слухи

К вечеру позвонила взволнованная знакомая:

– Слышал, что судили наркоманов из шестой больницы?.. Весь город говорит, что их там целая банда была и возглавлял ее профессорский сынок! Говорят, они специально делали так, чтобы у больных раны гноились...

– Зачем? – ужаснулся я.

– Чтобы побольше наркотиков выписывать на лечение, а затем воровать...

Я повесил трубку и долго не мог успокоиться. Еще утром в качестве корреспондента я сидел на этом уголовном процессе, но никак не ожидал такой уродливой интерпретации событий... Впрочем, ее можно было и предвидеть при целом вихре роящихся по городу слухов и почти полном отсутствии достоверной информации. Я вспомнил, как еще в самом начале – когда процесс только начинался, упорно ползли шепотки и разговоры, что-де он какой-то особый и закрытый, не для всех, а уж из шестой больницы якобы на него вообще запретили приходить...

Не поверив, я позвонил тогда в канцелярию народного суда Октябрьского района:

– Это из редакции. Скажите, когда будет рассматриваться дело медработников...

– А вам это зачем? – с подозрением спросили на другом конце провода.

– Девушка, вы, видимо, не поняли! – сказал я, напрягая все твердые нотки голоса. – Я – корреспондент газеты и хочу знать, когда начнется суд!

– Завтра в десять утра, – с неохотой сообщила несговорчивая девушка. – Дело ведет председатель суда Юдин...

– А почему не сказали сразу? Разве процесс закрытый?

– Да вроде... – неуверенно сказала моя абонентка и повесила трубку.

На следующий день в десять утра я уже был в Октябрьском народном суде. С первого же взгляда было видно, что вокруг дела ажиотаж. У нужных дверей – давка, милиция не пускает народ. Показывая редакционное удостоверение, я еле протиснулся сквозь толпу и попросил разрешения подойти к судье Юдину. Весь судебный консилиум уже был в сборе. Ждали опаздывавший конвой с подсудимыми.

– Корреспонденту можно на суде присутствовать? – спросил я у председателя суда В. П. Юдина, сидевшего за столом в окружении своих заседателей.

– Ну конечно, можно. Здесь уже сидит один...

За соседним столом маячило знакомое лицо коллеги из «Советской Башкирии». Я пристроился на стуле рядом с человеком в прокурорской форме и достал блокнот:

– Разве процесс не закрытый?

– Да с чего вы это взяли? Самый обыкновенный открытый процесс...

У дверей комнаты стояли дюжие милиционеры и бдительно смотрели, чтобы лишний народ не проникал вовнутрь...



Верстка начала очерка в газете «Вечерняя Уфа» за 4 мая 1987 года, №101 (5520).

2. Кое-что о «кабинетном» рассмотрении дел

Уже первые дни судебного разбирательства показали, что дело №1—123 должно быть в центре общественного внимания. Не только потому, что число связанных с наркотиками преступлений в республике за год возросло в 2,5 раза. («Пьянство и наркомания, на мой взгляд, самые острые сегодня проблемы», – сказал прокурор БАССР В. И. Кравцев). Но и потому, что не было еще в Уфе судебного процесса, где к уголовной ответственности привлекались сразу шесть медиков, обвиняемых в нарушении врачебного долга, в похищении, хранении и сбыте наркотических средств. Где корни их падения, что за условия способствовали кражам и наркотическим деяниям – вот что волнует всех нас, и в первую очередь медицинскую общественность города.

В центре этого процесса, несомненно, стоит фигура молодого врача Рустэма Гатауллина – именно он, работая в отделении хирургии сердца больницы №6, привел на скамью подсудимых своего коллегу Круглова и похищавшую для него ампулы медсестру-студентку Флориду Шацких, врача из Языково Мухамадиева и других.

Сын известного на всю Башкирию профессора-хирурга и сам подававший надежды специалист, он уже давно (наркотики употребляет с 1977 года) катился по наклонной, теряя моральный облик и втягивая в поисках наркотических доз на преступный путь новых и новых людей. Если повнимательней взглядеться в лицо этого процесса, то судьбы почти всех сидящих сейчас на скамье подсудимых перечеркнуты именно его рукой – исколотой рукой наркомана.

– Я очень испугалась, когда на совместном дежурстве Рустэм Гатауллин попросил взять для него наркотик, – показала на суде медсестра Шацких, – но он успокаивал, что отец у него большой человек, а дядя министр¹ – и меня, в случае чего, защитят. Мне некуда было деваться, и когда он забрал и унес ампулу с наркотиком, я ввела вместо наркотика больному анальгин с димедролом...

Немало показаний, которые насторожили бы общественность, звучало на этом суде, которому было бы впору стать широким показательным процессом. И тем неудачней казался мне весьма келейный характер рассмотрения дела. Заседания проходили не в зале, а в кабинете председателя суда В. П. Юдина. Для процесса, который коснулся многих болевых точек медицины, он был явно тесноват. За подсудимыми и конвоем помещались три-четыре скамьи – волей-неволей милиции приходилось сортировать публику. Ну как не допустить на заседание жен и матерей подсудимых? Представителей из коллектива? Вот и впускали в кабинет с утра:

– Кем и кому приходиться? Кто родственник – проходи, остальные посторонни-и-сь...

Скамьи в кабинете заполнялись моментально – кто-то давал знак закрыть дверь. Непопавшие еще долго жарко дышали за дверьми... Я намеренно так подробно рассказываю о всех перипетиях этого процесса, потому что курс на гласность, который характерен для нашего общества сейчас и особо подчеркнут на состоявшемся недавно пленуме Верховного Суда СССР, диктует иную точку зрения на практику рассмотрения дел.

Вот почему я даже обрадовался, когда уже на второй день нашего «кабинетного» заседания В. П. Юдин остановил суд и направил дело на дополнительное расследование. Это давало возможность в дальнейшем более широко и гласно завершить процесс, тем более многие, с кем пришлось разговаривать, высказывали мнение, что такие суды надо проводить в лечебных учреждениях, в мединституте, с привлечением самой широкой общественности.

¹ Имеется в виду бывший министр здравоохранения БАССР М. Х. Камалов

– А почему бы после доследования суду не провести выездное заседание в той же шестой больнице? – спросил я после у Владимира Петровича, памятуя, что половина обвиняемых медиков оттуда, и проведение пусть даже одного или двух выездных заседаний на месте, что допустимо при многодневном процессе, будет иметь воспитательное значение.

– Да захотят ли в больнице проводить такой суд? – усомнился Владимир Петрович. – Столько народу мы у них от дела оторвем, да и большого помещения у них, наверное, нет...

– И неизвестно, какой еще эффект будет, – сказал случившийся при разговоре работник прокуратуры. – Государственный обвинитель принародно только одну речь произнесет, а адвокаты подсудимых целых восемь...

Я понял, что витавшая в воздухе мысль о показательном характере суда энтузиазма не встретила.

3. Больница №6

Но прежде, чем суд возобновил работу, мы с коллегой из «Советской Башкирии» отправились в шестую больницу. Для такого визита были основания – даже после доследования на новое судебное разбирательство не был приглашен ни один свидетель из больницы №6, который мог бы обрисовать обстановку и обстоятельства, что привели на скамью подсудимых двух врачей и медсестру, не были вызваны ни представители администрации, ни лица, ответственные за хранение наркотических веществ. Свидетелями проходили только родственники Рустэма Гатауллина – отец и жена. Это «белое пятно» особенно бросалось в глаза еще и потому, что по второстепенному эпизоду, связанному с Благоварской районной больницей (там врач Ю. Мухамадиев отдал одну упаковку наркотика для передачи Гатауллину), из далекого Языково вызывались на суд сразу трое: главный врач, акушер и медсестра... Мы собирались выяснить, как же могло получиться, что в центре Уфы, в авторитетном и уважаемом лечебном учреждении столько лет не могли распознать опасного наркомана, – более того, держали его в непосредственной близости от наркотических препаратов, доверяли ему жизнь и здоровье больных.

Впрочем, когда солнечным апрельским днем мы с коллегой-газетчиком шагали по лужам к больнице №6, мы уже сомневались, что все было в неведении относительно Рустэма Гатауллина и его слабости к дурману.

ИЗ ПОКАЗАНИЙ НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ СЛЕДСТВИИ МЕДСЕСТЕР ОТДЕЛЕНИЯ ХИРУРГИИ СЕРДЦА Т. ДИКУШИНОЙ, Ф. ЗАХАРОВОЙ, Н. БОВИНОЙ И ДРУГИХ:

«С Гатауллиным я знакома, считаю его человеком, употребляющим наркотики. На дежурствах бывал вялым, сонливым, постоянно спал в ординаторской, находился в неадекватном состоянии, но спиртным от него не пахло, видимо, употреблял лекарственные средства».

«Как-то он сам обратился ко мне за наркотиком. Я отказалась и сказала, что ему, как сыну профессора, все сойдет, а меня привлекут. О том, что Гатауллин просил наркотики, я тут же сообщила старшей сестре и всем девочкам в отделении...»

«То, что Гатауллин Рустэм не первый год страдает наркоманией и употребляет наркотические вещества, знали у нас в отделении все...»

И вот этот разговор в больнице. Он запомнился нам еще и потому, что здесь собрались люди заинтересованные, очень переживающие за честь больницы, за ее репутацию в городе. Здесь было почти в полном составе партбюро, и администрация, и профком, и заведующие тех отделений, где работали Гатауллин, Круглов и Шацких. Встреча проходила остро, нам говорили о традициях больницы – здесь не боятся ответственности и самых трудных операций, медики знают, что ни от одного тяжелого случая здесь не отвернутся, и везут почти безнадежных пациентов в «шестую»... Мы видели, как оскорбляют многих честных врачей гуляющие по городу разговоры, как хотят в больнице очиститься от скверны в ее стенах... Но почему эти люди вдруг замыкаются и уходят от прямых ответов, когда мы спрашиваем, где они были раньше?

Вот пытается уверить, что не знал о наркомании своего подчиненного, уважаемый врач, прекрасный специалист Ю. Б. Ионис, зав. отделением хирургии сердца.

– Но как же так! – настаиваем мы. – Рустэма Гатауллина его отец дважды посылал лечиться от наркомании – в последний раз в Москву в октябре 1985 года. Разве вы не знали, куда девался ваш подчиненный?

– А мне не велели этим интересоваться! – говорит Юрий Борисович и отводит глаза. – Сказали: «Не ставь „восьмерки“ в таблице – остальное не твое дело...».

Когда Ионис уходит, а мы надеваем пальто, кто-то говорит:

– Юрия Борисовича можно понять! Ну что он мог с Рустэмом сделать, когда и мы все ничего не могли... Вы бы знали, с каким трудом после случая выпивки удалось отстранить младшего Гатауллина от ночных дежурств, где он был без контроля, – так ведь не надолго! Приходили указания снова все восстановить...

– Так в чем дело?

– А вы не понимаете? Вы в самом деле ничего не понимаете?..

Да нет, почему же, понимаем... Мальчика из хорошей семьи берегли и спасали... Потом уж на суде он с вызовом скажет: «Шацких врет, что я козырял отцом и дядей! Да в этом и нужды не было – все и так знали, что отец у меня профессор...». Да, все знали – и знали, как болезненно реагировал профессор на замечания о поведении сына, какой окрик или звонок мог последовать каждую минуту. От профессора, возглавляющего кафедру на базе больницы №6, зависит многое – в том числе категория каждого хирурга, а значит и заработок. Вот почему мальчику прощали и выпивки на работе, и подозрительную тягу к наркотикам, и многое, за что с другим расстались бы без сожаления. Его – наркомана – даже в медучилище по вечерам преподавать направляли: воспитывать, так сказать, подрастающее поколение...

Теперь мы понимаем, почему неохотно говорят эти люди, почему ни слова про ту зону вседозволенности и нетерпимости к критике – которая и обернулась бедой. Кто-то, по нашей просьбе, приносит журнал, чтобы показать, что не всем по душе была эта стена молчания, что назрела необходимость высказаться...

ИЗ ЗАПИСАННОЙ В ЖУРНАЛЕ БЕСЕДЫ ВО ВРЕМЯ ВСТРЕЧИ КОЛЛЕКТИВА СО СЛЕДОВАТЕЛЕМ Р. М. ЮСУПОВЫМ ПО ОКОНЧАНИИ РАССЛЕДОВАНИЯ:

Исмагилова, зам. главного врача по лечебной работе: «На суде будет кто-нибудь из больницы? Почему не пригласили из администрации меня? Я не уходила в отпуск – ждала, когда вызовут. Я на суде все выскажу».

Капитонова, врач: «Тогда все комиссии, все это ерунда, если почти никого не вызывали».

Председатель собрания: «В отношении суда – будут приглашать из администрации кого-нибудь, представителя из больницы?»

Следователь: «Я не могу ничего сказать, это решит суд».

Мы уже собирались уходить из больницы и прощались, когда один из собравшихся не выдержал:

– А, может, и впрямь лучше все разобрать открыто – чтобы всем был урок! Вы ведь знаете телефон судьи? Попросите, чтобы процесс провели показательно – у нас в больнице...

Кажется, лед тронулся... Мы берем трубку и набираем телефон В. П. Юдина:

– Владимир Петрович! Шестая больница хотела бы поговорить с вами насчет выездного заседания суда – здесь и партбюро собралось, и профком, и администрация. Сейчас передадим трубку партбюро...

Секретарь партийного бюро Р. Р. Шайхлисламов берет телефон:

– Да, хотели бы, чтобы у нас... Помещение? Есть хороший зал на четыреста мест... Комнаты для конвоя? Найдем...

Все наше маленькое собрание смотрит сейчас на говорившего с судьей Роберта Рафка-товича. По мере разговора лицо его мрачнеет:

- Если так, то мы не настаиваем, – говорит он наконец и кладет трубку.
- Ну что? Отказал?
- Он сказал, что преступно с нашей стороны требовать такое...

Воцаряется долгое молчание. Я понимаю, что у суда могут быть свои причины не проводить это дело на выезде – но как тогда объяснить людям, что это дело никто не «замазывает»?..

4. Заседание продолжается...

6 апреля суд после доследования возобновил работу. Теперь дело передано судье Наталье Васильевне Жуковой.

Мы сразу отметили, что Октябрьский суд на этот раз учел интерес к этому делу: заседания были перенесены из кабинета в зал, где могло больше поместиться народу. Журналистам, наконец, стали давать возможность знакомиться с материалами дела, смотреть документы. Это позволило более объективно подойти к происходившему.

...Блокноты пухнут от записей, мы уже многое знаем про «виновников» этого процесса. Вот сидит на скамье подсудимых двадцатитрехлетняя медсестра Флорида Шацких, студентка третьего курса мединститута. С отличием закончила медучилище, хорошо училась и в вузе, мечтала стать врачом, вырастить сынишку Рустика... Совсем недолго она проработала в больнице №6, в составе студенческого отряда, когда встреча с Р. Гатауллиным перечеркнула ее будущее. В деле №1—123 подшито ее письмо к Р. Гатауллину, письмо очень личное, на двух тетрадных листах. Его, не церемонясь, зачитывают вслух в зале, его цитируют адвокаты. В нем есть пронзительные слова: «О чем ты думал, когда решил меня потащить за собой в эту грязную яму...».

Дают слово Гатауллину.

– Шацких специально подбросила письмо следствию, чтобы козырять им на суде!

Он надевает очки и берет тетрадочку с записями, сразу становясь похожим на нотариуса:

– Она врет, что это я научил ее, как заменить наркотик для больного другим уколом...

Она сама это знала, как знает каждая медсестра, или хотя бы могла догадаться...

Защищаясь, он уже не помнит, что женщина, которая, бледнея, сидит у барьера в окружении милиционеров, оказалась здесь из-за него, он даже впадает в пафос:

– Даже если бы министр здравоохранения просил бы у нее наркотик, она обязана была отказать...

Он уже ведет себя не по-мужски, он пытается доказать суду, что не ходили они вместе ни к друзьям, ни в кино, что Шацких просто увязывалась за ним, что все ее личные симпатии – бред...

Флорида Шацких, невидяще глядя куда-то в окно, сидит на скамье подсудимых и сжимается, когда гремят над залом его жестокие и очень хлесткие слова...

«О чем ты думал, когда решил меня потащить за собой в эту грязную яму...».

5. О чем говорилось шепотом...

День за днем ведет судебное следствие Наталья Васильевна Жукова – она принципиальна и последовательна в выявлении причин и обстоятельств, в которых возможно стало преступление. Вот допрашивается один из главных свидетелей – отец подсудимого Рустэма Гатауллина профессор Н. Г. Гатауллин, возглавляющий кафедру хирургии на базе больницы №6.

– А вы знали, что вашего сына отстраняли от работы, что его застали после ночного дежурства в совершенно безобразном состоянии, с развеселой компанией? Неужели даже этот случай вас не насторожил, не заставил задуматься, принять меры?

– Я в тот раз публично извинился на утренней конференции. Я поверил тогда сыну, понадеялся на администрацию. Теперь я понимаю, что это было мое малодушие, мне, как отцу, следовало бы поставить вопрос об его освобождении от работы...

– Не находите ли вы, что ваш сын просто использовал ваше высокое положение?

– Да какое у меня особое положение! Я – заурядный профессор...

Вопрос следует за вопросом, и потихоньку складывается картина, как создавалась та атмосфера, в которой все решалось без коллектива, за спиной у общественности. Профессор показал на суде: «Когда стало ясно, что сын окончательно стал наркоманом, мы с женой пошли к министру, попросили без огласки направить его на лечение. Об этом было поставлено в известность только руководство больницы...».

Поднимается адвокат В. В. Бондаренко. (Потом я спрошу у Владимира Васильевича, почему он задал этот вопрос, вроде бы и не относящийся к его подзащитному Круглову, и он скажет: «Как вы не понимаете, что речь идет о тех негативных явления, которые осуждены съездом партии...»). Вопрос у Бондаренко к профессору тоже не из простых:

– Вот вы говорите, что руководство знало, министерство знало, а почему не знал коллектив? Почему вы в открытую не поставили вопрос перед всеми, что сына надо от наркомании спасти? Почему тайну из этого делали?!

– Да о таких вещах еще недавно было принято говорить шепотом да полусшепотом... – Профессор говорит это сгорбясь и очень тихо. Его слова подтверждает и жена Рустэма Наиля Гатауллина, тоже врач: «Да, мы скрывали все от коллектива. Мы хотели как лучше...».

Да, они хотели как лучше... Они знали, что врач может взять наркотики только у среднего медперсонала – но боялись вынести сор из избы, поговорив начистоту с людьми, от которых зависело, чтобы ампулы не попадали к Рустэму... Нам от души жаль профессора, человека очень заслуженного, – когда он в зале суда скажет: «Как учитель сына, как отец и как его коллега, наконец, я желал для него совсем другого», – у многих в зале защиплет в горле. Но нам не менее жалко и Флориду Шацких, которая теперь надолго разлучена со своим маленьким четырехлетним Рустиком, и отца троих детей Мухамадиева, который не смог отказать в упаковке ампул сыну такого уважаемого человека, и сидящего на скамье подсудимых врача Круглова, и многих других, кто еще бы оказался втянутым, если бы органы не взяли уверившегося в безнаказанности Гатауллина-младшего с поличным...

И не случайно, словно подводя итог судебному разбирательству по шестой больнице, судья Жукова сказала:

– Наверное, если бы вы открыто поставили вопрос о Рустэме Гатауллине и поговорили с коллегами начистоту, может быть, и не сидел он – и все эти люди – на скамье подсудимых...

Ответить на это справедливое замечание ни профессору, ни многим в зале было нечего.

В. САВЕЛЬЕВ.

(Окончание в следующем номере).



Вот как было сверстано окончание очерка в следующем номере газеты за 5 мая 1987 года, №102 (5521).

6. Какие извлечем уроки?..

Нас могут спросить, зачем мы пишем о неоконченном судебном процессе – ведь не можем сообщить, какой последует приговор... Конечно же, только суд может решить, кого и по какой статье наказать. Наша же задача другая – привлечь внимание общественности к определенному кругу проблем. Основатель Советского государства В. И. Ленин писал: «Улица интересуется не только тем, даже не столько тем, – обидой, побоями или истязаниями будет признано данное деяние, какой род и вид наказания будет за него назначен, сколько тем, чтобы до корня вскрыть и публично осветить все общественно-политические нити преступления и его значение, чтобы вывести из суда уроки общественной морали и практической политики» (ПСС, т. 4, стр. 407—408).

О чем же заставил нас задуматься этот судебный процесс? Прежде всего – о том, как мы ведем борьбу с наркоманией. Выступивший недавно в печати заместитель министра внутренних дел СССР Н. Демидов подчеркнул специально, что для успешного одоления зла «наркоманов надо знать всех до одного». Можем ли мы похвастаться таким знанием? Увы – и дело Р. Гатауллина и других тому пример: здесь, как видим, тщательно скрывали и замалчивали многолетние деяния наркомана, сам Р. Гатауллин арестован, по сути дела, по случайным обстоятельствам. Хотите информацию для размышления? Мы не знаем, у кого на протяжении 6—7 лет (до того, как Ф. Шацких устроилась в больницу в июне 1985 года) он брал наркотики – это очень поучительно сопоставить с объяснениями на суде эксперта-нарколога. Эксперт хорошо обрисовал, как с годами у наркомана вырастает потребность в дурмане – в день по ценам «черного рынка» зелье обходится ему в 50—60 рублей. Немудрено, что в конце концов обезумевший наркоман ищет любую возможность добыть зелье – идет на воровство, грабеж, любое преступление. Нет, на опасном пути остановили органы Рустэма Гатауллина: он уже рыскал в поисках наркотических препаратов – выпрашивал ампулы у коллег в больнице, мотался на машине отца в Языково и другие места, часто летал, как вспоминают сейчас сослуживцы, в Среднюю Азию. Не думаю, что мы имеем достаточно полную картину его связей – установлено лишь восемь ампул, взятых у Шацких, пять – у врача Круглова, кое-что в Языково через местную больницу и сельскую аптеку...

Мы все привыкли считать, что подпольная торговля наркотиками, связи наркоманов между собой и т. д. – это где-то далеко, на Западе. Но вот на суде допрашивают наркомана Игоря Ковалева, сопровождавшего Р. Гатауллина в вояжах:

– Скажите, Ковалев, кто вас жестоко избил незадолго до ареста – наркоманы?

Ковалев, который, судя по некоторым показаниям, пытался отойти от разорявшего его дурмана, долго молчит, потом кивает головой.

– За что же вас били?

– Ну, как сказать... Пытались назад вернуть. Я ведь мог кое-что доставать – для себя и других...

– А фамилий ваших дружков почему не называете?

– Я не хочу, чтобы меня били опять...

Нет, далеки мы еще от того, чтобы знать зло конкретно и по именам – а тем более «всех до одного»... И то, что дело №1—123 в эти апрельские дни катилось ко второму доследованию, тоже говорило о многом.

Тут нужно приоткрыть карты и поведать читателю, что, кроме уже названных лиц, на скамье подсудимых сидели еще медики из республиканского онкодиспансера и «Скорой помощи», их обвиняли в торговле похищенными наркотическими средствами. Но поскольку именно в отношении этих подсудимых расследование было проведено слабо и суд укажет на это

в своем определении, посланном в прокуратуру города, – мы этих фамилий не назовем и подождем до полной ясности. А пока в зале суда мы наблюдали, как Наталья Васильевна Жукова ведет судебное разбирательство – выясняет, за наркотики или за другую оплату несли к подсудимым копченую колбасу и мясо, отдавали им дефицитные китайские кроссовки, импортные джинсы и т. д. Еще и еще раз изучались и прежние показания, и новые, прокручивались магнитофонные пленки допросов. У Жуковой была весьма сложная задача: ей, срочно отозвав из отпуска, вручили принятое к производству «недотянутое» дело...

В эти дни, наблюдая за ходом процесса, я, кажется, лучше стал понимать, почему такой опытный юрист, как председатель суда В. П. Юдин, под всякими предложениями старался избежать показательного процесса: важному, актуальнейшему делу с самого начала не было уделено должного внимания – не на высоте оказалось следствие, да и Октябрьский районный суд не проявил принципиальности, взяв «сырое» дело в производство. Становилось понятно, почему суд не выносил разбирательство на широкую публику – когда дело у всех на виду, все недоработки бросаются в глаза...

К слову говоря, отношение к одному из важнейших принципов судопроизводства – гласности – стало предметом разговора на состоявшемся в декабре прошлого года пленуме Верховного суда СССР. Не все гладко в этом вопросе – отметил пленум... Только 64 процента опрошенных в столице судей считали, что гласность способствует отправлению правосудия, многих эта гласность раздражает. Не по душе она тем, отмечалось в отчете с пленума, кто еще выполняет указания «сверху» при рассмотрении дел, и кто боится состязательности судебного процесса, кому не по нраву общественный контроль. Может быть, впервые с трибуны высшего судебного форума было подчеркнуто, что «принципиальные и квалифицированные выступления печати, даже содержащие резкую критику деятельности тех или иных правоохранительных органов, не подрывают престиж суда, а, напротив, способствуют устранению ошибок, и значит, укреплению социалистической законности».

Последние слова мы приводим только потому, что и на этом процессе не раз приходилось слышать вздохи: мол, поторопились печать к этому делу подключать, не подумали... Грустно даже не то, что кто-то всерьез считает, что для выступления газеты нужно разрешение «свыше» – а то, что не перевелись еще сторонники показывать общественному мнению только подготовленную напоказ сторону. А ведь весь ход развития нашей демократии указывает на то, что не следует скрывать от народа ни светлых, ни темных сторон, зон вне общественного контроля нет. Нам ведь важно не только знать «о каждом совершенном преступлении, грубом нарушении законности и принятых по ним мерах», но и видеть, от чего пошли наши социальные беды – та же наркомания, к примеру; был ли справедлив суд; законными ли методами велось следствие (кстати, по нашему делу ни одно из подобных заявлений подсудимых так и не было проверено)...

Нас не испугает, если в ходе суда вскроются вещи не для всех приятные или кого-то вдруг да не осудят и показ суровой кары не состоится. Ведь и не заинтересованы мы, чтобы для поддержания актуальной кампании покарать не очень виноватых – ведь в то время, как мы тратим на них свой порох, настоящие торговцы наркотиками и преступники гуляют на свободе. Мы готовы к принятию любой открывшейся истины, потому что уровень общественного самосознания сейчас высок, не зря на всю страну прозвучали недавно слова А. Твардовского:

**– Одна неправда нам в убыток
И только правда ко двору!**

Только все ли в правоохранительных органах готовы к работе в условиях гласности, к перестройке?

...13 апреля, шестой день судебного заседания. После совещания народный судья Н. В. Жукова оглашает определение суда: во второй раз направить дело на дополнительное расследование. Это значит, возможен еще суд... С какой глубиной он вскроет причины негативных явлений, какие уроки будут извлечены из предыдущих заседаний – вот что сейчас волнует общественное мнение...

В. САВЕЛЬЕВ.

Источники: газета «Вечерняя Уфа», №101 (5520) за 4 мая 1987 года и №102 (5521) за 5 мая 1987 года.

ХОТЯ ПРОЦЕСС И ОКОНЧЕН...

Записки с судебных заседаний

В мае наша газета рассказала об этом судебном процессе: на скамье подсудимых сидели медицинские работники из больницы №6 и других лечебных учреждений, расхищавшие наркотики, употреблявшие их. Тогда казалось, что в скором времени виновные получат по заслугам, суд укажет на причины негативных явлений. Но дело неожиданно приняло затянутый характер, «потонуло» в исследованиях...

1. Опять затяжки, проволочки...

Лишь через пять месяцев после предыдущих заседаний, в сентябре, суд возобновил работу. Я пришел в лекционный зал больницы №6 и, увидев, как провели под конвоем в верхние комнаты молодого врача, подсудимого Рустэма Гатауллина, вспомнил, сколько слов потратил в свое время председатель Октябрьского суда В. П. Юдин, чтобы доказать, что в шестой больнице невозможен выездной судебный процесс именно по причине отсутствия подходящего помещения для конвоя и подсудимых. Теперь выездное заседание назначено здесь. В зале уже собирался народ, мелькали белые халаты. Подходили здороваться те, с кем встречался по прежним судебным заседаниям. Именно в этот момент кто-то сообщил мне:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.